

Святловский Владимир Владимирович

**К истории политической
экономики и статистики в России**

Сборник стихов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
В57

В57 **Владимир Владимирович С.**
К истории политической экономики и статистики в России: Сборник стихов / Святловский
Владимир Владимирович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 206 с.

ISBN 978-5-519-85078-0

ISBN 978-5-519-85078-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
I. Наканунъ меркантилизма. I. Введеніе: официальное и вольное званіе. II. Протестъ противъ гнета: Даниилъ Заточникъ и поученія Соловецкаго Имарагда. — «Слово о Правдѣ» Стефана Вонифатьева. III. «Домострой» Сильвестра Медвѣдева. — Его экономическое содержаніе. IV. А. Л. Ордынь-Нашокинъ. — Его экономическое міровоззрѣніе и начинанія въ Псковѣ. — V. Нѣсколько замѣчаній о Юріи Крыжаничѣ. — Характеръ его экономическихъ взглядовъ. — «Инструкція» Волинскаго	I
II. Физиократизмъ въ Россіи и начало изученія экономіи сельскаго хозяйства. I. Характеристика русскаго меркантилизма и появленіе физиократизма. — Его отраженіе въ мѣрахъ и взглядахъ Екатерины. — II. Екатерина II и физиократъ Mercier de la Rivière. — Экономическія идеи Наказа. — III. Вольное Экономическое Общество и его первые шаги. — Программа фонъ-Клингштета. — Премія и тема Екатерины. — А. Т. Болотовъ. — Англійская система. — Шубартовская система. — Система Полторацкаго. — Ливановъ и Левшинъ. — IV. Московское Общество Сельскаго Хозяйства и «Земледѣльческій Журналъ». — Павловъ и Дм. Шелеховъ . . .	20
III. Появленіе ученія Адама Смита въ Россіи . . .	45
IV. Появленіе идей свободной торговли и протекціонизма (Николай Тургеневъ и графъ Н. С. Мордвиновъ) . . .	56
V. Фурьеризмъ въ Россіи («Петрашевцы»)	73
VI. Отъ славянофильства до идеализма. (Развитіе взглядовъ на сущность экономической эволюціи Россіи). I. Славянофилы. — II. Западничество. — III. Народничество. — IV. Марксизмъ	85
VII. Изъ исторіи русской статистической литературы. I. Появленіе взглядовъ Конринга и нѣмпы-учебные. — II. Ахенвалль - Шлецеровское направленіе. — III. Паденіе государствѣдѣнія и появленіе Кетле	161

Наканунъ меркантилизма.

I.

Умственное развитіе отдѣльныхъ народовъ, какъ и отдѣльныхъ лицъ, не всегда протекаетъ послѣдовательно и равномерно; невѣжество, косность и корысть часто затрудняютъ и замедляютъ это развитіе. Въ исторіи умственной эволюціи Европы встрѣчаются и печальныя страницы: цѣлая эпоха регресса нѣкоторыхъ отраслей знанія, особенно общественнаго и философскаго характера. Наука въ такіе періоды проходила по многострадальному и тернистому пути, свѣтлый и радостный храмъ знанія превращался въ мрачную и пустынную Голгофу, а каждый шагъ носителей свободной мысли былъ связанъ съ кровавою борьбою, съ молчаливымъ самопожертвованіемъ. Не даромъ извѣстный Тиссандье, издавая біографіи великихъ ученыхъ, далъ своей книгѣ общее—печальное и вѣщее, какъ надгробная эпитафія,—заглавіе: «мученики науки». Въ итогѣ, *cursus vitae* нѣкоторыхъ отраслей знанія, — дѣйствительно, суровый мартирологъ, трагическая цѣпь энтузіазма и самоотреченія.

Такъ было на Западѣ.

Еще меньше розъ и лавровъ на тѣсномъ пути русской науки. Исторія ея—исторія произнола и стѣсненій, которыхъ не знала ни одна страна Запада. Помимо общихъ преградъ, у насъ вліяли еще свои, своеобразные, чтобы не сказать болѣе, «терніи». вмѣсто тупыхъ представителей филистерской академіи, душив-

шихъ все новое, вмѣсто жестокаго кардинальскаго синклита или опортюнистическаго іезуитизма двора, у насъ на наукѣ и ученыхъ остановилось леденящее и неморгающее око административнаго произвола; и оно, въ атмосферѣ равнодушія и добровольнаго сыска, было всеильно это «око»!

Вспомните сами. Начиная съ несчастнаго «доктора Леона», замученнаго по методу боярина Орши въ одной изъ пустыхъ башенъ Московскаго кремля, на страницахъ исторіи русской науки проходитъ передъ вами длинная вереница застѣченныхъ, заточенныхъ или нравственно искалѣченныхъ дарованій. Заточенный влюбленный въ Россію панславистъ Крыжаничъ, блестящій ученый и государствовѣдъ; замученный Волинскій; нравственно затравленный Тредьяковскій; заключенные и сосланные Посошковъ, Радищевъ, Новиковъ. Минувшій XIX вѣкъ, эпоха развитія русскаго общественнаго самосознанія, не лучше. На порогѣ николаевской эпохи насъ встрѣчаютъ печальныя тѣни Бестужева, Коховскаго, Пестеля, Рылѣва, Кюхельбекера; Николай Тургеневъ и Головинъ всю жизнь скитаются за границею; Полежаевъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Шевченко—ужасно влачатъ и кончаютъ свои великія жизни; Грибоѣдовъ подъ судомъ, Бѣлинскій тоже; Огаревъ и Герценъ—изгнанники, а длинный рядъ профессоровъ, какъ Арсеньевъ, Костомаровъ и др., загнанныхъ Магницкими, Руничами, Тодстymi и иными ~~памями~~ бюрократическаго застѣнка! И въ дальнѣйшемъ дѣло мало измѣнилось... развѣ, впрочемъ, прибавились новыя «мѣропріятія», вродѣ сдачи учащихся въ солдаты. Очевидно, «общій режимъ» не могъ не отразиться на положеніи и науки и самихъ ученыхъ.

Оглядываясь назадъ, мы видимъ, что въ началѣ наши люди науки шли «по рангу», въ ногу съ придворною челядью и держались для декоративнаго блеска. Ученые приравнялись, и даже официально, къ «цирульникамъ и музыкантамъ». Позднѣе, разсортированные по «классамъ и шитью», они, наравнѣ съ низшею бюрократическою братіею, должны были служить цѣлямъ общаго и повальнаго лицемѣрія, исполняя функціи фальсификаторовъ науки. И вотъ, едва терпимые, они превратились въ холоповъ власти, дѣлая изъ науки новый видъ хлѣбной чиновни-

чьей профессіи. Не даромъ проникательный и развязнооткровенный Катковъ, оглядываясь на прошлое русской науки, воскликнулъ: «Наука?!—науки не было въ Россіи: была бюрократія!..»

Эпоха, осмѣянная даже Катковымъ, не миновала. И нынѣ не одинъ нашъ «ученый» тайный совѣтникъ, своеобразный совѣститель «свободной» кафедры и декорированнаго казеннаго вицъ-мундира, гордится тѣмъ, что онъ представитель «правительственной науки»...

Конечно, не вся русская наука глядѣла и смотритъ черезъ темныя двери двадцатаго числа. Рядомъ съ позорною «казенною» наукою всегда жила тонкая, но живительная струя «вольнаго» знанія. И даже въ эпохи Павла и Бенкендорфа сверлящее остріе критической мысли протачивало себѣ свои кротовыя ходы. Гдѣ-то тамъ, на задворкахъ официальной Россіи, всегда ютилось непризнанное «вольномысліе», искреннее знаніе, невымирающая традиція истинной науки, боевая мысль и смѣлое слово. Носители и глашатаи правды давали въ самыя глухія времена лучи свѣта, которыми только и озарялась мыслящая Россія. Позднѣе, непризнанная «академія улицы», поднявъ высоко надъ головами свой факелъ, совершенно затмила сирадныя копилки казенныхъ фонарей. Вольная «улица» побѣдила и отвергла казенщину...

И вотъ въ наши дни, непризнававшееся учебнымъ ученымъ и вообще начальствомъ вольномысліе, особенно по спеціальнымъ и экономическимъ вопросамъ, влилось въ массы интеллигенціи и проникаетъ въ народъ. Въ итогъ, не зная развитія экономики въ Россіи, мы стоимъ теперь передъ ясно выраженными экономическими программами.

Но все это пришло не сразу, какъ не въ одинъ день создалось и характерное для нашего времени ясное и сознательное отношеніе мыслящей части русскаго общества къ наиболѣе сложнымъ и важнымъ проблемамъ социальной науки. И бѣдная, эта русская социальная наука! Много она выстрадала, долгіе годы нужно было ей, чтобы свить прочное гнѣздо въ умахъ людей улицы, въ думахъ общественной совѣсти. Въ русской экономической наукѣ, несмотря на сознательность социально-экономическаго міровоззрѣнія нѣкоторыхъ партій, многое еще и до сихъ

поръ остается спорнымъ и неустановившимся; но это уже не столь важно, такъ какъ главнѣйшее завоеваніе сдѣлано: созданы опредѣленные, принципиальныя точки зрѣнія, выяснились программы,—словомъ, у русской экономики уже имѣется свое настоящее, какъ, въ силу своего прошлаго, обладаетъ и извѣстною, становящеюся историческою традиціею.

И охватывая умственнымъ взоромъ современность, можно съ извѣстною увѣренностью и безъ всякаго оптимизма утверждать, что въ уже достигнутомъ имѣется прочный залогъ для успѣшнаго развитія въ дальнѣйшемъ.—Конечно, и это «дальнѣйшее» будетъ создаваться только трудомъ и борьбою, быть можетъ, не безъ жертвъ: выразители критическаго настроенія и глашатаи новаго слова всегда расквитывались у насъ за свою правдивую смѣлость, ибо человѣческою кровью пишетъ исторія лѣтопись прогресса.

II.

Протестъ противъ гнета: Даніилъ Заточникъ и поученія Соловецкаго Изабрагда. — «Слово о Правдѣ» Стефана Вонифатьева.

Средневѣковая Русь рѣзко отличается отъ современныхъ ей европейскихъ странъ отсутствіемъ идейной работы въ области социальнаго вопроса и неформулированностью своихъ общественно-экономическихъ желаній и воззрѣній. Грубый произволъ, притѣсненія, систематическое истязаніе рабовъ-холоповъ, беспощадное ростовщичество, подкупность суда, пытки—все это не встрѣчало отпора ни со стороны лучшихъ людей, ни со стороны массы ¹⁾. И если рѣдко, крайне рѣдко слышался гдѣ-либо голосъ протеста или твердое заявленіе возмущившейся мысли,—то это былъ просто вопль истерзанной души, просто неоформленный крикъ негодованія.

¹⁾ «Богатые и сильные», — по выраженію знаменитаго проповѣдника XIII вѣка епископа Серапіона,—«какъ звѣрье» въ ненасытномъ стремленіи къ приобрѣтенію и порабоженію «жаждали абы всѣхъ погубити, насытствомъ имѣніи порабошали, не миловали сиротъ, не знали человѣческаго естества». («Прибавленіе къ Твореніямъ св. отцовъ» за 1843 г., ч. 2, стр. 195).

Этотъ вопль мы встрѣчаемъ въ немногихъ памятникахъ: въ знаменитомъ словѣ несчастнаго Даниїла Заточника, въ нѣсколькихъ проповѣдяхъ и поученіяхъ. Онъ интересенъ и важенъ какъ характеристика эпохи, какъ свидѣтельство о возможности даже въ то мрачное время выразить чувство социальнаго протеста.

Благородный Даниїль Заточникъ предпочитаетъ нищету, связанную съ нравственной свободой, матеріальному благополучію въ домѣ своего притѣснителя. «Лучше мнѣ видѣть, восклицаетъ онъ изъ далскаго заточенія,—свою ногу въ лапти, нежели въ красномъ сапогѣ на боярскомъ дворѣ; лучше мнѣ тебѣ, князь, въ дерюгѣ служить, нежели въ багрянницѣ въ боярскомъ дворѣ; хотъ золотыя кольца вставь въ уши котлу, все же дну сго не избыть своєї черноты: такъ и холопу. Сколько не гордись онъ, но укора своего ему не избыть—холопьяго имени. Лучше мнѣ воду пить въ твоємъ дому, нежели пить медъ въ боярскомъ дворѣ... Говорится въ мирскихъ притчахъ: не птица въ птицахъ нетопырь, не звѣрь въ звѣряхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не холопъ въ холопахъ, кто у холопа работаетъ».

Въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ изъ разысканныхъ Шаповымъ въ монастырскихъ библіотекахъ ¹⁾ также встрѣчается этотъ вопль, но цѣнность его умалается тѣмъ общимъ свойствомъ всѣхъ церковныхъ проповѣдей, обыкновенно далекихъ отъ жизни и чуждыхъ реальныхъ мотивовъ, впадать въ декламацию съ совершенно общихъ точекъ зрѣнія.

Впрочемъ, встрѣчаются выраженія и неподдѣльнаго и глубокаго негодованія.

«Богачь! — гремитъ «слово о немилостивыхъ богатыхъ» неведомаго пастыря въ рукописномъ Измарагдѣ XV вѣка, сохранившемся въ библіотекѣ Соловецкой обители, — ты зажегъ на свѣтильникахъ Церкви свои свѣчи. Но вотъ сюда же пришли

¹⁾ См. А. Шаповъ: «Голосъ древне-русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей». Казань, 1859. Изъ этой интересной брошюры мы и заимствуемъ нѣсколько приводимыхъ далѣе текстовъ поученій.

обидимые тобою рабы, сироты и вдовы съ воздыханіемъ къ Богу на тебя. Они слезами своими погасятъ твою свѣчу.

О лицеѣріе! Лучше бы тебѣ не обидѣть ихъ, чѣмъ освѣщать храмъ Божій несправедливо собраннымъ воскомъ. Лучше помогай тѣмъ, кого ты избидѣлъ. Это лютость, а не милостыня—рабовъ обидѣть, а другихъ миловать; однихъ заставлять работать, а другихъ надѣлать. Если и подашь ты когда милостыню убогимъ, но ежели рабы твои, пасущіе стада, потравили нивы сиротины, а другіе рабы твои мукою и неправдою приневолены къ работѣ, босые и нагіе, голодные и избитые невинно, а иные изморенные безмѣрными накладами, иные селъ тобою лишены и ограблены,—тѣ всѣ съ плачемъ вопіють на тебя къ Богу. Что и милостыня твоя, неправедный судія! Лучше оставь неправды твои и сдѣлай рабовъ своихъ безпечальными, чѣмъ Богу безумно приносить неправедно собранное имѣніе: тотъ истинно милостивецъ, кто отъ своей силы, отъ своего труда даетъ».

Я приведу еще одну выдержку, также характерную, но изъ другого болѣе поздняго сочиненія. Это любопытный проектъ, приписываемый Стефану Вонифатьеву, духовнику царя Алексѣя, объ основаніяхъ благоустройства крестьянства. Онъ помѣщенъ въ «Словѣ о Правдѣ», напечатанномъ въ книгѣ 2-й «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи».

«Если поискать, въ нынѣшнсе время благовѣрнаго царя, — льстиво говорится здѣсь, — то не знаемъ во всѣхъ народахъ, кромѣ русскаго народа, правовѣрующаго царя. И если царь нашъ вѣроу правъ, то онъ долженъ не лѣтносно изыскивать и разсматривать все, что относится къ общему благополучію всѣхъ его подданныхъ. Не о благѣ однихъ вельможъ пещись, но и о всѣхъ до самаго послѣдняго. Ибо вельможи нужны; но они никогда не удовольствуются одними своими трудами. Прежде же всего нужны земледѣльцы; отъ ихъ трудовъ производится хлѣбъ; а хлѣбъ главизна всѣхъ благъ... Земледѣльцы безпрестанно переносятъ различныя работныя бремена, то даютъ денежныя оброки, то яскіе сборы, то другое что-либо. А эти люди (вельможи), если когда бываютъ посланы

за царскими сборами, то сверхъ царскаго указа и себѣ много собираютъ съ земледѣльцевъ, также и тѣ, которые посылаются для прокорма коней; на ямскіе расходы много серебра выходитъ. Много также обиды бываетъ земледѣльцамъ и отъ того, что когда царскіе землебѣры—писари ѣздятъ по своему землебѣрному дѣлу, то отмѣриваютъ царскимъ воинамъ землю и всякому полагаютъ землю врознь, и отъ того много медлятъ и много корму у крестьянъ сѣдаютъ. О многихъ царствахъ мы читали, а такого злоупотребленія не знаемъ. Ямской порядокъ должно устроить весь подробно по росписанію—отъ города до города. И тѣмъ, которые въ городахъ торгуютъ, скупаютъ и прикупами богатѣютъ, и имъ должно носить этотъ яремъ между всѣми городами; ибо владѣютъ большими прибытками. Кромѣ же этого яриа, никакимъ другимъ лишеніямъ да не подвергаются, но пусть во всѣхъ городахъ безъ всякихъ воздаяній покупаютъ и продаютъ. Такимъ образомъ всякій мятежъ земскій умалится, и писари уменьшатся, сборы прекратятся и взятокъ не будетъ».

III.

«Домострой» Силвестра Медвѣлева. — Его экономическое содержаніе.

Трудно указать, гдѣ первые этапы русской общественной мысли, гдѣ первая заря нашего народно-хозяйственнаго самосознанія. Медленно, едва замѣтно пробиваются они на протяженіи вѣковъ. Яркая грань русской исторіи—эпоха Петра уже знакома съ опредѣленнымъ экономическимъ направленіемъ, съ возрѣніями *меркантилистовъ*. Трудъ Посошкова—памятникъ меркантилизма, этими же взглядами проникнуты и указы Петра и вся его эпоха. Какъ и когда созрѣло у насъ это направленіе, какъ вообще мыслили по экономическимъ вопросамъ въ допетровскую эпоху?

Отвѣтъ на это можно найти, углубившись въ «московскій» періодъ, къ начальнымъ годамъ мрачнаго XVI вѣка. Къ этому времени создается цѣнный памятникъ эпохи—знаменитый «Домо-

строй» протопопа Сильвестра Медвѣдева. Вотъ характерное зеркало времени, типичный выразитель воззрѣній вѣка.

О «Домострой» Сильвестра очень много писали; и книга, и ея авторъ хорошо извѣстны каждому школьнику, а безсмертныя крылатыя выраженія варварской патріархальности—у всѣхъ на устахъ. Въ дальнѣйшемъ памятникъ разбирается съ иной точки зрѣнія: дѣлается попытка опредѣлить его социальное-экономическое содержаніе, выдѣляется зерно политико-экономическихъ взглядовъ его составителя¹⁾.

«Домострой» не знаетъ народнаго хозяйства, какъ цѣлаго. Матеріальный бытъ подданныхъ составлялъ тогда еще одну изъ вѣтвей хозяйства властителя, который, по примѣру всѣхъ средне-вѣковыхъ князей, разсматриваетъ страну, какъ свое имѣніе. Отсюда и «Домострой» могъ представлять собою только сводъ правилъ *домашней экономіи*, принципы которой, какъ принципы частнаго хозяйства, антагонистичны общественно-хозяйственнымъ, игнорирующимъ точку зрѣнія выгоды. вмѣстѣ съ тѣмъ «Домострой» даетъ намъ картину замкнутаго и самодовлѣющаго полуфеодалаго хозяйства, въ которомъ уже въ значительной мѣрѣ развиты потребности. Каково было въ ту эпоху крестьянское хозяйство, мы изъ этого памятника не узнаемъ, ибо «Домострой» не демократиченъ; правила его непригодны для всякаго русскаго хозяйства, а лишь для домоводства избранныхъ. Только князь, да большой бояринъ, имѣющій чревоугодливое настроеніе крѣпост-

¹⁾ Съ экономической точки зрѣнія подходили къ оцѣнкѣ Домостроя профессоръ В. Леииковъ («Древняя русская наука о народномъ богатствѣ и благосостояніи») и А. Брикнеръ («Иванъ Посошковъ»). Первый, пытаясь установить несуществовавшую въ дѣйствительности преимвественность во взглядахъ Сильвестра, Воынскаго и Посошкова, приходитъ въ полное умиленіе отъ домостроевской проповѣди «правильнаго житія», которую считаетъ «истинно христіанскою философіею». Второй касается Домостроя лишь какъ небольшого эпизода предшествовавшей Петру эпохи.